

Валерий Лейбин

**ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ
ТРАДИЦИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Валерий Лейбин

**Психоаналитическая
традиция и современность**

«Когито-Центр»

2012

Лейбин В. М.

Психоаналитическая традиция и современность / В. М. Лейбин —
«Когито-Центр», 2012

ISBN 978-5-89353-369-9

В книге представлены исследования и материалы, отражающие авторские размышления об актуальных проблемах психоанализа. Предметом осмысления являются вопросы, касающиеся перипетий развития психоанализа в России, эволюции психоаналитических идей о сексуальности, любви и нарциссизме, дискуссий, нашедших отражение в зарубежной и отечественной литературе, а также тех новых аспектов теории и практики психоанализа, которые связаны с использованием современных информационно-коммуникационных технологий.

ISBN 978-5-89353-369-9

© Лейбин В. М., 2012

© Когито-Центр, 2012

Содержание

От автора	5
Часть I	7
Предисловие	7
Русские истоки психоанализа	9
Фрейд и Достоевский	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Лейбин

Психоаналитическая традиция и современность

От автора

Приуроченная к 70-летию со дня рождения данная книга включает в себя некоторые материалы, подготовленные за последние двадцать лет профессиональной деятельности.

В нее вошли работа «Фрейд и Россия», некоторые статьи, опубликованные в различных изданиях, а также доклады, прочитанные на некоторых научных конференциях и семинарах. Наряду с этими материалами в работе содержатся также авторские размышления, связанные с выступлениями зарубежных и отечественных психоаналитиков.

В первой части книги содержится работа «Фрейд и Россия», написанная в 1991 году, впервые опубликованная в 2000 году и малодоступная сегодня для тех, кто интересуется историей развития психоаналитических идей в России. В данное издание я не стал вносить дополнительные материалы, с которыми мне довелось ознакомиться за последние годы. Напротив, в целях устранения некоторых полемических сюжетов и для более целостного восприятия русских истоков ряда психоаналитических идей и перипетий развития психоанализа в России я сократил текст и убрал авторские поэтические зарисовки.

Во второй части помещены статьи и доклады, отражающие некоторые аспекты российской психоаналитической традиции. Особое место занимает материал, посвященный памяти российского философа Овчаренко Виктора Ивановича (1943–2009), который был в числе первопроходцев, обратившихся к идейному наследию российских психоаналитиков начала XX столетия. Воспроизводятся также авторские размышления, связанные с защитой докторской диссертации В. А. Россохина «Психология рефлексии измененных состояний сознания» (19 июня 2009), на которой мне довелось выступить в качестве официального оппонента.

Третья часть включает статьи, связанные с психоаналитическим осмыслением проблемы сексуальности и нарциссизма. Излагаются идеи З. Фрейда и других психоаналитиков по данной проблематике. Приводятся авторские размышления, навеянные докладом французского психоаналитика Ю. Кристевой «Материнская страсть», сделанном ею в Москве в начале декабря 2010 года. Высказываются соображения, связанные с пониманием мужского начала и женской природы психоанализа.

Четвертая часть посвящена психоаналитическому осмыслению некоторых проблем, имеющих актуальное значение в современном мире и связанных с виртуальной реальностью, информационными технологиями и психотерапией.

Предлагаемая читателям работа – не подведение окончательных итогов профессиональной деятельности автора, а всего лишь, надеюсь, промежуточный этап дальнейших интеллектуальных усилий в сфере истории, теории и практики психоанализа.

Незамысловатые вирши, которые родились сами собой в связи с 70-летием:

Семьдесят лет.
Поздний рассвет?
Ранний закат?
Жив, счастлив, рад.

Семьдесят лет.

В туннеле свет?
Прогресс в никуда?
Нет или да?

Семьдесят лет.
Без горя и бед.
Что впереди?
Не важно, иди!

Семьдесят лет.
Сколько примет!
Символика дня,
Пламя огня.

Семьдесят лет.
Поздний рассвет?
Ранний закат?
Вот бы сто крат!

*Март 2012 г.
Москва*

Часть I

Фрейд и Россия

Предисловие

Знание истории развития общества – необходимая предпосылка не только для понимания настоящего, но и для созидания будущего. Как можно компетентно судить о настоящем и предвидеть будущее, не ведая правды о минувшем? О какой преемственности лучших традиций можно говорить, если история развития нашего общества долгое время была представлена такой, какой ее пожелали видеть те, кто подавлял любое инакомыслие и всячески насаждал стереотипы беспрекословного послушания? Какие нравственные ценности могут быть переданы последующим поколениям, если предшествующая история оказалась периодом беспощадной борьбы зла с добром, в ходе которой искренность, милосердие и сострадание воспринимались как нечто отжившее, а изворотливость, пронырливость и беспринципность стали привычной нормой жизни многих людей, поддавшихся искушению властолюбия и карьеризма?

Только в последнее время начинает воссоздаваться подлинная картина всех драм и трагедий, разыгрывавшихся на подмостках истории России начала и середины XX века. Только сейчас постепенно начинают восстанавливаться порванные исторические связи между прошлым и настоящим, что открывает возможность преодоления отчуждения людей от своей собственной истории. И чем полнее и всестороннее освещаются события минувшего, тем шире и глубже обнажаются надломы человеческого существования, ввергнутого в водоворот всевозможных противоречий социально-экономического, политического и культурного характера.

Постижение судьбы страны немислимо в отрыве от ее культурного контекста, задающего ориентиры развития общества. Наука, литература, искусство и иные сферы бытия людей неразрывно связаны с теми драмами и трагедиями, которые возникли в недрах России в результате ломки традиционного пути развития, увлечения народных масс новыми идеалами светлого будущего и попыток достижения его радикальными средствами, выворачивающими наизнанку все бывшие представления об общечеловеческих ценностях жизни. Будучи частью исторического процесса, каждая из этих сфер бытия людей может служить наглядной иллюстрацией того, как и в каком направлении осуществлялось общее развитие России, какие проблемы и противоречия возникали на ее пути, каким образом они разрешались и, наконец, насколько были оправданы жертвы, принесенные во имя достижения поставленных целей.

Сфера науки является одной из составляющих исторического процесса, где драмы и трагедии России не только нашли свое отражение, но и в значительной степени сказались на развитии различных научных направлений. Психоанализ не составляет исключения в этом отношении. Скорее, напротив, он является прекрасной иллюстрацией того, как, почему и в силу каких обстоятельств ранее выдвинутые идеи и концепции, получившие распространение в России, со временем оказались вытесненными из сознания ученых. Более того, история становления и запрещения психоанализа в нашей стране – это своеобразная модель исторического процесса, позволяющая лучше понять многие перипетии нелегкой судьбы, выпавшей на долю России. Вот почему раскрытие связей между психоаналитическим учением Фрейда и Россией представляется заслуживающим внимания.

В предлагаемой работе заинтересованный читатель найдет такие материалы, которые ранее не попадали в поле зрения исследователей. Скажу откровенно. Для меня самого русские истоки психоанализа – новый поворот в исследовательской деятельности, который стал возможен лишь в силу повышенного интереса к судьбе России. И это не дань моде, когда чело-

век, ранее не включенный в публичное обсуждение перспектив светлого будущего в силу внутреннего протеста против официального неприятия разномыслия, сегодня вдруг обращается к российским сюжетам. К этому подводит логика развертывания событий в нашей стране. И не только логика, но и совесть человека, которому не безразлична судьба России.

Фрейд и Россия – многогранная тема, заключающая в себе немало поучительного для постижения прошлого и определения будущего нашей страны. И если, ознакомившись с содержанием предлагаемой вниманию читателя работы, он найдет для себя, помимо исторических документов и свидетельств борьбы с инакомыслием в науке, какие-то ориентиры, позволяющие глубже осмыслить минувшее, серьезно задуматься над настоящим и ответственно отнестись к грядущему, то я считал бы свой замысел вполне реализованным. Во всяком случае данная работа задумана именно с этой целью, которой и подчинена логика изложения материала – от рассмотрения русских истоков психоанализа и истории развития психоаналитических идей в России до раскрытия судьбы репрессированного психоанализа.

Русские истоки психоанализа

Достоевский – психолог из психологов. Его магически привлекает глубина исследования сердца; бессознательное, предсознательное, непроницаемое – вот его истинный мир... Достоевский глубже проник в преисподнюю подсознательного, чем врачи, криминалисты и психопатологи.

Стефан Цвейг

Зигмунд Фрейд – великий подвиг одного отдельного человека! – сделал человечество более сознательным... Ворвавшись, подобно резкому и режущему северному ветру в душную атмосферу человеческой психики, он разогнал немало золотых туманов и розовых облаков чувствительности, но горизонт очистился и область духа прояснилась.

Стефан Цвейг

Психоаналитическое учение Фрейда о человеке, его мотивационной деятельности, внутривличностных конфликтах и неврозах возникло в Австрии на переломе XIX – XX столетий. Постепенно, по мере организации кружков и психоаналитических обществ в различных странах мира, публикации многочисленных исследований и проведения международных конгрессов психоаналитические идеи привлекли к себе внимание части ученых, врачей и художественной интеллигенции. Они нашли своих сторонников и в России, где в дореволюционный период ряд русских философов, психологов и медиков обратились к теории и практике психоанализа. В этом отношении можно говорить о влиянии идейного наследия Фрейда на отдельных представителей русской естественнонаучной, философской, литературной мысли, а также медицинских кругов.

Вместе с тем можно говорить и о том, что, во-первых, З. Фрейд проявлял интерес к России и, во-вторых, мог почерпнуть из русской культуры некоторые представления, которые вошли в остов его психоаналитических идей и концепций. Во всяком случае не исключены вполне конкретные русские истоки, предопределившие творческую атмосферу интеллектуального развития Фрейда и несомненно сказавшихся на его теоретической и практической деятельности.

Позвольте, возразит любой зарубежный психоаналитик, да и проницательный отечественный читатель, хоть сколько-нибудь знакомый с работами Фрейда и историей возникновения психоанализа. Причем здесь русские истоки, если психоаналитическое учение Фрейда первоначально зародилось в Австрии и только некоторое время спустя проникло в Россию? О каких русских истоках можно говорить вообще, если, с одной стороны, австрийский врачевропатолог никогда не был в России и не владел русским языком, а с другой стороны, период распространения психоанализа в России был весьма кратковременным и после 1920-х годов сменился более чем пятидесятилетним гонением на любые попытки теоретического осмысления идейного наследия Фрейда и практического применения психоанализа в лечебных целях?

Возражение отчасти справедливое, основанное как на констатации фактов, действительно имевших место в истории возникновения и развития психоанализа, так и на расхожих клише, весьма распространенных в психоаналитической и околопсихоаналитической литературе. В нем отражена картина восприятия учения Фрейда через призму привычных стереотипов, некогда созданных самими психоаналитиками. Историческая правда оказалась не то чтобы искаженной, но какой-то односторонней, не учитывающей многообразие связей и отношений в мире интеллектуального развития человека, в котором как в причудливом калейдоскопе переливаются подчас самые неожиданные всплески мысли, вызванные к жизни искрами

озарения, высеченными при соприкосновении с другими людьми, их идеями или обыденными рассуждениями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что обращение к русским истокам ряда идей Фрейда может быть воспринято как нечто странное, не только не соответствующее привычному взгляду на историю развития психоанализа, но и противоречащее здравому смыслу, апеллирующему к логике западноевропейского влияния на Россию как таковую.

Между тем раскрытие существа данного вопроса является вполне оправданным, более того, необходимым аспектом исследования истории психоанализа, если мы действительно хотим понять подлинные, многогранные истоки возникновения и развития психоаналитических идей. Дело в том, что, как это, может быть, ни парадоксально на первый взгляд, выявление русских истоков психоанализа – малоизученный, но несомненно заслуживающий внимания пласт исторической реальности, осмысление которого проливает свет на темные пятна интеллектуального развития основателя психоанализа. Можно, пожалуй, сказать, что выявление данных истоков – это, быть может, не только прорыв к глубинным пластам бессознательных интенций и сознательной деятельности венского врача-невропатолога как клинициста и теоретика, создавшего философски ориентированное учение о человеке и культуре, но и то связующее звено, благодаря которому достигается лучшее понимание взаимосвязей между основателем психоанализа и Россией, психоаналитическими идеями и социокультурными изменениями, осуществляемыми в нашей стране.

На чем основывается подобное видение русских истоков психоанализа?

Прежде всего на реальных фактах обращения Фрейда к людям, событиям, сообщениям и художественным произведениям, непосредственно связанным с Россией или косвенно относящимся к русским сюжетам. Причем речь идет не только о поздней деятельности основателя психоанализа, когда он использовал психоаналитический подход в оценке и интерпретации, скажем, творчества Достоевского, на чем в дальнейшем я подробнее остановлюсь, но и о первоначальных стадиях формирования психоаналитического учения, когда русские сюжеты оказались в поле зрения Фрейда.

Как известно, термин «психоанализ» был введен Фрейдом в 1896 году, после его идейного расхождения с Й. Брейером. Это был период поиска новых идейных ориентиров и методологических установок, позволяющих выйти за рамки гипноза, электро- и водотерапии, используемых ранее в своей клинической практике. В то время увлечение Фрейда неврологическими концепциями, нашедшими отражение в его размышлениях о «научной психологии для физиологов» и подготовке материалов, известных сегодня под названием «Проект» (1895), сменилось разочарованием в попытках физиологического объяснения психических процессов. В поисках выхода из методологического тупика, связанного с перенесением неврологических схем на почву психоанализа, он обратился к идеям немецкого философа и психолога Т. Липпса, считавшего наиболее существенными для психической жизни не сознательные, а бессознательные процессы.

Именно в тот период Фрейд, как свидетельствуют его собственные высказывания, апеллирует к материалу, связанному с Россией. Так, летом 1898 года в письме к берлинскому врачу В. Флиссу, с которым на протяжении ряда лет Фрейд делился своими сокровенными мыслями, сомнениями и раздумьями в связи с зарождением психоаналитических идей, он высказывает некоторые соображения по поводу царского манифеста. Речь идет об инициативе правительства России провести международную конференцию мира. В конце августа 1898 года русский министр иностранных дел граф М. Н. Муравьев направил аккредитованным в Санкт-Петербурге дипломатам циркуляр, в котором предлагалось созвать международную конференцию, посвященную проблемам обеспечения безопасности и достижения всеобщего мира. В манифесте подчеркивалось, в частности, что культура наций и экономическое развитие парализованы увеличивающимися расходами на совершенствование вооружений и наращивание воен-

ного потенциала. Первоочередная задача правительств всех государств виделась в сокращении вооружения и тем самым в предупреждении бедствий, грозящих миру.

В письме В. Флиссу от 31 августа 1898 года (*The Complete Letters of Sigmund Freud...*, 1985, p. 325–326) Фрейд отметил, что наибольшее впечатление на него произвел «революционный язык» данного манифеста и что за подобные радикальные высказывания в России ранее ссылали в Сибирь. Не касаясь существа политики России, он выдвинул предположение, что одной из целей манифеста является стремление добиться участия в работе международной конференции целого ряда стран, включая Китай, чтобы тем самым обезопасить себя от возможных вооруженных конфликтов.

Не столь важно, как Фрейд оценивал политику России конца XIX века. Об этом трудно судить, поскольку фактически нет письменных источников, позволяющих с достаточным основанием говорить о его взглядах на внешнюю и внутреннюю политику России. Более существенно то, что в период своих интеллектуальных раздумий над новыми идеями, приведшими к возникновению психоаналитического учения, Фрейд вообще находит время для ознакомления с манифестом Николая II.

Чем объясняется сам факт обращения Фрейда к русским сюжетам? Есть основания полагать, что его интерес к России не был случайным. Не исключено, что это связано с его семьей. Известно, в частности, что мать Фрейда (Амалия Натансон) провела часть своего детства в Одессе. Позднее она оказалась в Австрии, но ее двое братьев продолжали жить в Одессе. Известно и то, что отец Фрейда (Яков Фрейд) в 1883 года ездил в Одессу в надежде поправить свое финансовое положение.

Вполне вероятно, что в семье Фрейда могли обсуждаться вопросы, касающиеся политической, экономической и культурной жизни России. И, быть может, это обстоятельство послужило толчком к тому, что будущий основатель психоанализа стал интересоваться русскими сюжетами. Во всяком случае, как показывает анализ его работ и многочисленных писем с различными корреспондентами, Фрейд неоднократно обращался к материалам, связанным с Россией. Так, в письме к своему школьному другу Э. Зилберштейну, написанном 15 августа 1877 года (*Stanescu, 1971, p. 204*), он высказывал свое негативное отношение к русскому «правлящему классу», имея в виду правление Романовых, и говорил о том, что большие правители, плохие граждане и нерадивые солдаты сами себе роют могилу. А в период зарождения психоанализа при осмыслении возможных отношений между сознанием и бессознательным он размышлял о российской цензуре как инструменте подавления инакомыслия в печати. Это нашло отражение, например, в письме к В. Флиссу от 22 декабря 1897 года (*The Complete Letters of Sigmund Freud...*, 1985, p. 289).

Как видим, интерес Фрейда к русским сюжетам не был побочной линией жизни, не вписывающейся в круг его профессиональной деятельности. Русский материал вовлекался Фрейдом в орбиту своего рассмотрения не только в теоретическом плане, но и в клиническом отношении. Так, царский манифест привлек его внимание не в связи с международной политикой вообще, а именно в силу его профессиональных интересов. Данный манифест, как подчеркнул сам Фрейд в письме к В. Флиссу, коснулся его лично.

Дело в том, что, обратив свой взор на фигуру Николая II и его деятельность, он еще до появления манифеста поставил царю свой диагноз. По мнению Фрейда, молодой царь страдал навязчивыми идеями и не мог сдерживать свои чувства при виде крови. Фрейд мог бы оказать ему посильную помощь, если бы они встретились, для чего Фрейду следовало бы поехать в Россию. Тогда бы он сделал все возможное для облегчения страданий своего пациента. Затем, как полагал Фрейд, для закрепления результата хорошо было бы иметь три встречи в течение года, непременно в Италии.

Высказанные в письме В. Флиссу соображения о Николае II свидетельствуют о том, что в период зарождения психоанализа обращение Фрейда к русским сюжетам было вполне

осмысленным, сопряженным с его профессиональной деятельностью. Причем это имело место именно в те годы, когда он с восторгом воспринял идеи Т. Липпса о бессознательных процессах, действующих в глубинах человеческой психики. Не случайно в одном и том же письме В. Флиссу Фрейд признается в том, что после ознакомления с трудами немецкого философа его собственные разработки в сфере психологии оказались более продуктивными, и тут же излагает свои соображения по поводу царского манифеста России.

Фрейд неоднократно подчеркивал, что все основополагающие идеи и концепции психоанализа обязаны своим происхождением клинической практике. В работе «Фрейд, психоанализ и современная западная философия» (1990) мною была предпринята попытка показать, что это не совсем так, поскольку в период выдвижения психоаналитических гипотез Фрейд отталкивался не только от клинического опыта, но и от философских представлений о природе и механизмах функционирования человеческой психики.

Разумеется, клиническая практика дала ему обширный материал для раздумий о мотивах поведения человека, отношениях между сознательными и бессознательными процессами, причинах возникновения внутриличностных конфликтов, этиологии неврозов. Поэтому для понимания истоков возникновения психоаналитических идей отнюдь не безразлично, с какими пациентами Фрейд имел дело. Ведь в процессе психоаналитических сеансов происходит живое общение между врачом и пациентом, в ходе которого не только пациент изживает свои болезненные симптомы и освобождается от непонятных ему страхов, навязчивых идей, но и врач вбирает в себя информацию, связанную с детством обратившегося к нему за помощью человека, его семейным окружением и обстоятельствами жизни. Надо полагать, это весьма важный источник, позволяющий более компетентно судить как о многих профессиональных сторонах деятельности Фрейда, так и о его мировоззрении в целом.

К сожалению, историки психоанализа до сих пор не располагают полной информацией о русских пациентах, приехавших к Фрейду на кратковременные консультации или проходивших курс психоаналитического лечения. Кое-какие сведения имеются на этот счет, хотя восстановить картину живого общения между ними и основателем психоанализа крайне трудно, а в ряде случаев практически невозможно. Несомненно лишь то, что в своей клинической практике Фрейд действительно имел дело с пациентами из России, встречался и переписывался с русскими учеными, врачами и, следовательно, в какой-то степени знакомился с русской культурой и психологией ее носителей. Вопрос заключается лишь в том, насколько глубоким в этом отношении было знакомство Фрейда с русской культурой или оно являлось поверхностным, не оказавшим никакого воздействия на его интеллектуальное развитие.

Не берусь определить точную дату того, когда впервые Фрейд принял у себя кого-нибудь из русских пациентов. Однако можно говорить о том, что к 1910 года он имел возможность составить некоторое представление о русских в связи со своей клинической практикой. Так, в июне 1909 года К. Г. Юнг и Фрейд обменялись в письменной форме краткими соображениями по поводу специфики русского материала и тех трудностей, с которыми приходится сталкиваться российским психотерапевтам. В то время у Юнга в Цюрихе находился специалист из московской клиники М. Асатиани (1882–1938). Общаясь с ним, Юнг отметил, что недостаточность терапевтических результатов у М. Асатиани объясняется, с одной стороны, несовершенством его психотерапевтического искусства, а с другой – особенностями русской ситуации, когда, по его мнению, индивид напоминает рыбу в аквариуме и первостепенной задачей оказывается не столько анализ этого индивида самого по себе, сколько решение проблемы коллектива, толпы, массы, в которой он находится. Об этом как раз и написал Юнг Фрейду. В свою очередь, основатель психоанализа отметил, что М. Асатиани имеет, вероятно, утопический взгляд на психотерапию как всеильное спасительное средство, чем можно объяснить его чувство неудовлетворенности по поводу того, что работа продвигается не так быстро, как ему хотелось бы. При этом Фрейд полагал, что русские особенно несовершенны в искусстве осу-

щества кропотливой и тщательной психотерапевтической работы (The Freud/Jung Letters, p. 226–227). В августе 1909 года Фрейд получил телеграмму от Н. Баженова (1857–1923), который руководил в то время Преображенской психиатрической больницей в Москве. Н. Баженов сообщал, что, будучи тяжело больной, одна женщина по его рекомендации едет к Фрейду для определения возможности прохождения у него курса психоаналитического лечения. Об этом Фрейд поведал Юнгу в очередном письме к нему от 9 августа 1909 года. В этом же письме он писал Юнгу о том, что через психоаналитика М. Эйтингона получил предложение от русского издателя в Женеве, который просил его дать свое согласие на перевод фрейдовской работы «Психопатология обыденной жизни» (1901).

Известно, что Фрейд имел обширную клиническую практику. Однако полное описание клинических случаев не столь часто встречается в его работах. Фактически им подробно описаны лишь три случая психоаналитического лечения. Один из них связан с русским пациентом, с которым Фрейд работал на протяжении нескольких лет. Этот классический пример психоаналитического лечения известен в литературе под названием «Вольфман». Работа, посвященная разбору данного клинического случая, была написана Фрейдом в 1914 году и опубликована в 1918 году под названием «Из истории одного детского невроза».

Врачи, интересующиеся конечными результатами психоаналитического лечения, могут почерпнуть из этой истории необходимые сведения, так как имеется достаточно подробная информация о судьбе данного пациента (The Wolf-Man and Sigmund Freud, 1973). Отмечу лишь, что после прохождения двух курсов психоаналитического лечения у Фрейда в период с 1910 по 1914 год и с 1919 по 1920 год русский пациент лечился впоследствии несколько месяцев у Р. М. Брюнвик (октябрь 1926 – февраль 1927) и затем на протяжении ряда лет периодически обращался как к ней, так и к другим психоаналитикам за медицинской помощью. Столь долгое лечение объясняется многими факторами, в первую очередь, обстоятельствами жизни пациента, носившими довольно драматический характер, связанный с самоубийством его сестры, преждевременной кончиной отца, первой мировой войной, революцией 1917 года, в результате которой он потерял все свое состояние, последующей эмиграцией и самоубийством жены. Обострение внутренних кризисов личности, успехов лечения, срывов и периодов выздоровления пациента, дожившего до глубокой старости, может служить исходным материалом для клиницистов, определяющих степень эффективности психоаналитической терапии. Другое дело, что именно Фрейд мог почерпнуть из общения с этим пациентом.

Русским пациентом Фрейда был Сергей Панкеев, родившийся в интеллигентной семье в 1886 году. Его дед был одним из богатейших землевладельцев в России, а отец – Константин Панкеев – образованным человеком, придерживавшимся либеральных взглядов, участвовавшим в образовании «Союза освобождения» и основании кадетской партии. Помимо политической деятельности, он увлекался литературой, издавал одесский журнал «Южные записки», инициировал издание в Санкт-Петербурге альманаха «Зарница» (1908–1909), в котором принимали участие А. Куприн, И. Бунин и другие русские писатели.

Сергей Панкеев имел возможность получить неплохое домашнее образование. С 13 лет он читал произведения Достоевского, Толстого, Тургенева, а также прозу и поэзию Пушкина и Лермонтова. Затем какое-то время он учился на юридическом факультете Одесского университета, потом на философском факультете того же учебного заведения и, наконец, в Петербургском университете.

В 1906 года сестра Сергея Панкеева Анна, которая была старше его на два с половиной года, увлекалась философией и придерживалась революционных взглядов, связанных с событиями 1905 года, покончила жизнь самоубийством, что наложило отпечаток на его юношеское мировосприятие. Поражение революции 1905 года и самоубийство сестры породили у него апатию и привели к возникновению невротического расстройства, в результате чего ему пришлось обращаться за помощью к различным врачам. Так, в 1907 году он был на консультации

у известного в то время профессора Крапелина, а в 1908 году проходил гипнотическое лечение у Бехтерева, который был заинтересован в том, чтобы отец пациента оказал финансовую помощь, необходимую для организации исследовательского института. Затем после смерти отца (1908) Сергей Панкеев проходил лечение в одном из немецких санаториев и в Одессе у врача-психиатра Леонида Дрознеса, который начал проявлять в то время интерес к психоанализу.

Познакомившись с работами Фрейда, одесский психиатр Дрознес стал использовать методы психоаналитического лечения в своей клинической практике. Неизвестно, был ли вовлечен Сергей Панкеев в круг психоаналитических идей в 1908 году, когда проходил курс лечения у Дрознеса. Известно лишь, что в начале 1910 года в сопровождении Дрознеса он направился за границу, намереваясь посетить в Берне профессора Дюбуа, разрабатывавшего в то время теорию и практику «рациональной терапии», в какой-то степени противостоящей психоанализу Фрейда. Однако по пути в Женеву в январе того же года Сергей Панкеев встретился в Вене с Фрейдом, который произвел на него такое благоприятное впечатление, что он изменил свои планы и отказался от первоначально намеченной поездки к Дюбуа. Несмотря на занятость, Фрейд согласился посещать 23-летнего Панкеева в одном из санаториев, в котором тот устроился к тому времени. Так в феврале 1910 года Сергей Панкеев стал русским пациентом Фрейда, курс психоаналитического лечения которого продолжался до июля 1914 года и был прерван в связи с началом Первой мировой войны, когда Сергею пришлось возвратиться в Россию.

С первых же месяцев психоаналитического лечения перед Панкеевым открылся новый мир, ранее ему неизвестный и связанный с погружением в недра бессознательного. Воспоминания детства, интерпретация сновидений (в частности, сновидения о белых волках, сидящих на деревьях, которое послужило основанием для названия Фрейдом данного пациента Вольсманн), вскрытие детско-родительских комплексов, расшифровка символического языка бессознательного – все это, составляющее ядро психоанализа, предстало перед Панкеевым в качестве нового бытия, нацеленного на изживание болезненных симптомов. Длительное общение с Фрейдом оказало соответствующее влияние на молодого человека. Причем между Фрейдом и Панкеевым установились дружеские отношения, позволившие и впоследствии поддерживать контакты друг с другом. Неслучайно, возвратившись в Вену весной 1919 года, Панкеев вновь посетил Фрейда, который был рад новой встрече. И хотя Панкеев уже не был богатым пациентом, ибо Первая мировая война и революция 1917 года привели к разорению его семью, тем не менее Фрейд продолжил курс психоаналитического лечения, длившегося с ноября 1919 года по февраль 1920 года. Причем он не только бесплатно лечил Панкеева, но и на протяжении нескольких последующих лет материально поддерживал его.

Важно отметить, что влияние Фрейда на Панкеева не было односторонним. В свою очередь, длительное общение с Панкеевым способствовало тому, что Фрейд имел возможность не только составить себе представление о «русском характере» и «русской душе», но и почерпнуть материал из сокровищницы русской культуры, впоследствии неоднократно используемый им в своих работах.

Так, в своих воспоминаниях о встречах с Фрейдом Панкеев поведал о тех содержательных беседах, которые касались понимания мировой и русской литературы. Трудно сказать, кто был инициатором этих бесед, но сами методы психоаналитического лечения предполагали выявление и интерпретацию материала, возникающего в процессе установления определенных отношений между врачом и пациентом, когда последний должен был излагать все то, что приходит ему на ум. Очевидно, что коль скоро в семье Панкеева русская литература занимала важное место, а сам он был воспитан на ее традициях, то нет ничего удивительного в том, что именно она стала предметом обстоятельных обсуждений, имевших место в курсе психоаналитического лечения. В частности, в своих воспоминаниях Панкеев писал о том, что Фрейд

неоднократно высказывал свои соображения по поводу творчества Достоевского, Мережковского, Толстого.

По свидетельству Панкеева, Фрейд не уделял большого внимания Толстому, мир героев которого был не столь близок основателю психоанализа. Более значительный интерес он проявлял к работам Достоевского и Мережковского, в которых обнаружил блестящие подтверждения того, что выдвинутые им представления об эдиповом комплексе являются существенными и значимыми, ибо находят отражение не только в классических шедеврах Софокла и Шекспира, но и в русской литературе. По словам Панкеева, Фрейд давал высокую оценку роману Мережковского «Петр и Алексей», в котором амбивалентные отношения между отцом и сыном рассматривались в психологическом ключе (The Wolf-Man and Sigmund Freud, 1973, p. 164). Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866–1941) был известным русским писателем, философом и литературоведом. Одним из наиболее значительных его произведений являлась трилогия «Христос и Антихрист», состоящая из романов «Отверженный» («Юлиан Отступник», 1896), «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи», 1901) и «Антихрист» («Петр и Алексей», 1905). Фрейд не только читал переведенные на немецкий язык работы Мережковского, но и считал его одним из талантливых писателей России. Неслучайно в 1907 году, отвечая на вопрос о любимых авторах книг, входящих в десятку имен, которым Фрейд отдает предпочтение, он среди таких всемирно известных писателей, как Киплинг, Золя, Франц, Твен, назвал и Мережковского (Freud, 1975, p. 246).

Примечательно то, что обращение Фрейда к рассмотрению жизни и творчества итальянского ученого и живописца эпохи Возрождения, нашедшее отражение в опубликованной им в 1910 году книге «Леонардо да Винчи», в немалой степени было обусловлено знакомством основоположника психоанализа с переведенной на немецкий язык второй частью трилогии Мережковского «Христос и Антихрист». Попутно следует отметить, что в своей работе об итальянском ученом и живописце Фрейд неоднократно ссылался не только на соответствующую часть трилогии Мережковского, но и на книгу «Мадонны Леонардо да Винчи», принадлежавшую автору русского происхождения, являвшемуся в то время доктором философии Цюрихского университета (см.: Константинова, 1908).

Что касается высокой оценки Фрейдом третьей части трилогии Мережковского, то, надо полагать, его внимание особенно привлекли сцены описания допроса отцом своего сына, раскрывающие психологию взаимоотношений между ними. Царевич Алексей не послушался своего отца, восстал против него и был предан суду, подвергнут пыткам на дыбе. Взбешенный непослушанием Алексея, царь Петр не только жертвует сыном, но и в порыве ярости и гнева сам избивает его, душит, топчет ногами. Когда царь, выхватив плеть из рук палача, ударяет сына изо всей силы, ему вдруг открывается весь ужас совершаемого им деяния. «Царевич обернулся к отцу, посмотрел на него, как будто хотел что-то сказать, и этот взор напомнил Петру взор темного лика в терновом венце на древней иконе, перед которой он когда-то молился Отцу мимо Сына и думал, содрогаясь от ужаса: «Что это значит – Сын и Отец?» И опять, как тогда, словно бездна разверзлась у ног его, и оттуда повеяло холодом, от которого на голове его зашевелились волосы» (Мережковский, 1905, с. 547).

Можно предположить, что трилогия Мережковского не только явилась стимулом к написанию Фрейдом книги о Леонардо да Винчи и углубленному осмыслению отношений между отцом и сыном с точки зрения раскрытия содержательной стороны эдипова комплекса, но и послужила фиксацией в его собственном бессознательном некоторых идей, впоследствии сознательно оформленных в виде определенных психоаналитических концепций. Не исключено, что к таким идеям относятся представления о «страхе смерти», почерпнутые Фрейдом в той части «Антихриста», в которой приводятся записи из дневника царевича Алексея, где он пишет о «страхе смерти», напавшем на него.

Не исключено и то, что многие рассуждения Фрейда об эдиповом комплексе, угрызениях совести и вине, встречающиеся в его работах в связи с интерпретацией литературных произведений, навеяны соответствующими высказываниями, содержащимися в произведениях Мережковского. Во всяком случае бросается в глаза разительное сходство, имеющее место в книгах основателя психоанализа и русского писателя.

Доподлинно неизвестно, читал ли Фрейд исследование Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество» (1901–1902). Сергей Панкеев свидетельствует, что в процессе общения с ним основатель психоанализа высказывал свои соображения по поводу обоих писателей. Возможно, эти высказывания опирались на знакомство Фрейда с соответствующей работой Мережковского. Поражает именно то, что в целом ряде своих статей и лекций Фрейд обращается к литературным произведениям Шекспира и других авторов, рассмотренным через призму эдипова комплекса, сюжетная канва которого прослеживается у Мережковского.

В этом отношении весьма примечателен отрывок из работы Мережковского о Толстом и Достоевском. «Царь Эдип, ослепленный страстью или роком, мог не видеть своего преступления – отцеубийства, кровосмешения; но когда увидел, – то уж не смог сомневаться, что он преступник, не мог сомневаться в правосудии не только внешнего, общественного, но и внутреннего, нравственного карающего закона – и он принимает без ропота все тяжести этой кары. Точно так же Макбет, ослепленный властолюбием, мог закрывать глаза и не думать о невинной крови Макдуфа; но только что он отрезвился, для него опять-таки не могло быть сомнения в том, что он погубил душу свою, перешагнув через кровь. Здесь, как повсюду в старых, вечных – вечных ли? – трагедиях нарушенного закона, трагедиях совести, и только совести – определенная душевная боль – „угрызение“, „раскаяние“ – следует за признанием вины так же мгновенно и непосредственно, как боль телесная за ударом или поранением тела» (Мережковский, 1903, с. 126–127).

В более поздних по отношению к произведениям Мережковского работах Фрейд высказывает весьма сходные мысли, сопряженные с психоаналитической интерпретацией литературных шедевров Софокла, Шекспира, Достоевского. В частности, он рассматривает пьесу Шекспира «Макбет» как всецело пронизанную указаниями на связь с комплексом детско-родительских отношений. Правда, в отличие от Мережковского, Фрейд несколько иначе интерпретирует поведение Макбета и его жены, считая, что раскаяние после совершения преступления появляется скорее у леди Макбет, нежели у ее мужа, которому свойственно упорство (Фрейд, 1923, с. 182).

Однако есть основания полагать, что отправной точкой фрейдовского анализа данного произведения Шекспира могли служить соответствующие размышления Мережковского о «Макбете», нашедшие отражение в его исследовании о Толстом и Достоевском.

Без всяких преувеличений можно говорить о том, что в процессе общения Фрейда с Панкеевым многообразные сюжеты русской литературы служили питательной почвой для развития психоаналитических идей, связанных с пониманием мотивов отцеубийства, существа эдипова комплекса, специфики амбивалентных отношений между родителями и детьми. Панкеев был одним из его пациентов, который расширил и углубил представление о России основателя психоанализа. Одним, но не единственным, ибо соприкосновение Фрейда с русской культурой было более значительным, чем это может показаться читателю, все еще настороженно относящегося к возможным, хотя и опосредованным связям основателя психоанализа с Россией.

Другим русским пациентом Фрейда был философ, известный своими исследованиями в России и получивший признание за рубежом. Речь идет об Иване Александровиче Ильине (1882–1954), который приехал к основателю психоанализа в мае 1914 года для прохождения курса психоаналитического лечения. К тому времени 31-летний Ильин был приват-доцентом Московского университета и автором ряда работ по истории философии, проблемам личности,

религии и права. Им было опубликовано исследование «Понятие права и силы» (1910), а также несколько статей, включая «Идея личности в учении Штирнера» (1911), «Кризис идей субъекта в наукоучении Фихте Старшего» (1912), «Философия Фихте как религия совести» (1914).

В студенческие годы Ильин провел несколько лет в Германии, где учился у Зиммеля и Гуссерля. Прекрасно владея немецким языком, он читал в оригинале многие философские работы. Судя по всему, его внимание привлекли и книги Фрейда, публикация которых в начале XX века получила широкий отклик в умах зарубежной и русской интеллигенции. Некоторые исследователи полагают, что Ильин мог познакомиться с психоаналитическими идеями на так называемых «Малых пятницах», на заседаниях которых действительно обсуждалась психоаналитическая проблематика (Ljunggren, 1989, p. 180).

Однако представляется, что интерес к психоанализу проявился у него раньше, ибо практически первое заседание Московского психиатрического кружка «Малые пятницы» состоялось в конце февраля 1912 года, а в мае того же года в журнале «Русская мысль» была опубликована статья Ильина, свидетельствующая о знании им учения Фрейда о бессознательном. Так, размышляя о различиях между вежливостью, любезностью и деликатностью, Ильин указывает на ту решающую роль, которую играют в жизни человека бессознательные элементы вообще и бессознательное общение с другими людьми в частности. Он не только пишет о бессознательном гедонизме, мотивирующем «поступки в сумеречной темноте душевной полусознанности», но и упоминает о Фрейде, называя его не иначе как «глубокий и тонкий психолог» (Ильин, 1912, с. 4, 19).

Как бы там ни было, до своего приезда к Фрейду Ильин уже имел представление о теории психоанализа. Приехав в Вену для прохождения курса лечения, он познакомился и с практикой психоанализа. Курс лечения был непродолжительным, ибо с началом Первой мировой войны Ильин был вынужден возвратиться в Россию. Общение с Фрейдом способствовало интенсификации его интеллектуальной деятельности, в рамках которой наметился синтез философских и психоаналитических идей. Об этом свидетельствует, в частности, речь, произнесенная им при открытии студенческого философского общества в Москве и опубликованная в 1915 году: «Все тайные влечения и желания, не допускаемые на порог дневного сознания и хоронящиеся, подобно Нибелунгам, в тайниках ночного сознания; все особенности личного вкуса, эмпирически приобретенные и духовно неочищенные; все те ранения душевной ткани, которые у каждого из нас приобретаются с детства и живут, неисцеленные, всю жизнь, разъедающая душу и повергая многих в неврастение и всевозможные болезненные уклонения, – все это при отсутствии надлежащей катаргической работы... вторгается в философскую работу и делает душу не способной к объективному научному знанию. Философия становится тогда игрой скрытых страстей; она получает значение более или менее удачно найденного компромисса между недугующим бессознательным и сознательной идеологией» (Ильин, 1915, с. 126).

В 1918 году Ильин публикует двухтомный труд «Учение Гегеля о конкретности Бога и человека» и становится профессором Московского университета. В 1922 году вместе с другими крупнейшими представителями русской интеллигенции, включая таких философов, как Лосский, Бердяев, Степун, он был выслан из России. До 1934 года Ильин жил и преподавал в Берлине, а с приходом нацистов к власти переехал в Швейцарию. Находясь в эмиграции, он опубликовал серьезные философско-религиозные работы «О сопротивлении злу силою» (1925), «Религиозный смысл философии» (1925), «Путь духовного обновления» (1937), двухтомник «Аксиомы религиозного опыта» (1953). После его смерти вышла в свет работа «О сущности правосознания» (1956).

По сравнению с многолетним курсом лечения Панкеева общение Фрейда с Ильиным было кратковременным. Тем не менее основатель психоанализа и русский философ имели каждодневные часовые встречи на протяжении полутора месяцев, что, разумеется, не могло не оставить следа в интеллектуальном развитии обоих людей. Ильин почерпнул от Фрейда идеи о

бессознательной деятельности человека и духовном катарсисе. Основатель психоанализа мог выпитать в себя ту информацию о культурном развитии России, которой делился с ним его высокообразованный пациент: Ильин имел обширные познания в области философии, литературы, театра и музыки. Фрейд не проявлял большого интереса к музыке, но вот литература в значительной степени привлекала его. Как и в беседах с Панкеевым, основатель психоанализа разговаривал с Ильиным, по всей вероятности, о русской литературе. Чтобы лучше понять психологию русского человека и вскрыть болезненные симптомы своего пациента, Фрейду так или иначе приходилось иметь дело и с воспоминаниями детства, обусловленными типичными семейными комплексами, и с особенностями развития, воспитания и образования личности в России. Возможно, Ильин высказывал Фрейду свои идеи о человеке, его нравственности и религиозной совести, которые в то время стояли в центре размышлений русского философа. Во всяком случае вряд ли стоит сбрасывать со счета то обстоятельство, что общение Фрейда с Ильиным могло оказать определенное воздействие на основателя психоанализа как при подготовке им работы «Из истории одного детского невроза» в плане постижения «русской души» путем сравнения клинических случаев заболевания Панкеева и молодого русского философа, так и в процессе последующей деятельности, связанной с попытками психоаналитического толкования творчества Достоевского и осмысления культурных изменений в послереволюционной России, о чем более подробно будет сказано в последующих главах книги.

Многое из того, что так или иначе формировало представления Фрейда о «русской душе» и «русской психике», было почерпнуто им из сообщений его коллег, которым также приходилось иметь дело с пациентами из России. Наглядным примером может служить его переписка с Юнгом, неоднократно излагавшим Фрейду свои впечатления о русских пациентах и врачах, приезжавших на лечение или на стажировку в Цюрих.

Одной из таких пациенток была молодая девушка из Ростова-на-Дону Сабина Шпильрейн (1885–1942). Она проходила у Юнга курс лечения с августа 1904 г. по июнь 1905 г. В период с 1905 по 1911 г. Шпильрейн была студенткой медицинского факультета Цюрихского университета и под руководством Юнга закончила работу над диссертацией «Психологическое содержание случая шизофрении».

В своем письме Фрейду в октябре 1906 г. Юнг сообщил, что он лечит психоаналитическим методом трудный случай истерии, наблюдаемой у 20-летней русской девушки-студентки. В дальнейшем в своих письмах Фрейд и Юнг неоднократно обсуждали вопросы, связанные со Шпильрейн. Дело в том, что между женатым Юнгом и молодой девушкой установились более чем дружеские отношения, вызвавшие у него затруднения морального порядка, по поводу которых Фрейд высказывал свои соображения. Кроме того, одаренная девушка, принявшая близко к сердцу идеи Юнга и Фрейда, впоследствии сама стала психоаналитиком и выступала в печати с работами, вызвавшими неоднозначную оценку со стороны своих учителей. Она переписывалась с Фрейдом, принимала участие в работе руководимого им психоаналитического кружка, выступала с докладами, то есть имела как опосредованные, так и непосредственные контакты с основателем психоанализа.

На одном из заседаний Венского психоаналитического общества, состоявшемся в ноябре 1911 года, Шпильрейн выступила с докладом «О трансформации», представлявшем собой часть материала, вошедшего в ее объемную статью «Деструкция как причина становления», опубликованную в одном из психоаналитических журналов на немецком языке в 1912 г. В докладе она изложила лишь частично свои соображения, которые в более развернутом виде были представлены в позднее опубликованной статье, где, ссылаясь на русского биолога И. Мечникова (1845–1916), выдвинувшего идею об «инстинкте смерти» (он исходил из того, что «инстинкт смерти» гнездится «в глубине человеческой природы в скрытом состоянии»). Шпильрейн поставила вопрос о необходимости рассмотрения проблемы существования этого инстинкта у человека.

Выслушав изложенные Шпильрейн идеи, Фрейд сделал несколько возражений по поводу ее увлечения биологическими концепциями. Своими соображениями он поделился с Юнгом, написав ему в письме от 30 ноября 1911 г. о том, что Шпильрейн хочет подчинить психологический материал биологическим обоснованиям, в то время как эта зависимость, на его взгляд, не более приемлема, чем зависимость психической жизни человека от философии, физиологии или анатомии. При этом Фрейд полагал, что излишнее увлечение Шпильрейн биологией является следствием ее приверженности юнговской методологии исследования человеческой психики.

В ответ на это Юнг в своем письме Фрейду от 11 декабря того же года согласился с тем, что Шпильрейн уделяет слишком много внимания биологии. Однако, оправдываясь он, ее увлечение биологией является доморощенным и никоим образом не связано с его методологией исследования, ибо он предпочитает рассматривать психоанализ в его собственных границах. Другое дело, пояснял Юнг, что экскурсы в иные области научного знания отнюдь не умаляют значимости психоанализа, а, напротив, позволяют смотреть на изучаемый объект с различных сторон. Сам он пытается заменить дискриптивную концепцию либидо генетической, и в этом плане обращение к биологии оказывается неизбежным.

Некоторое время спустя между Фрейдом и Юнгом наметились идейные разногласия, а в начале 1913 г. они прекратили личные отношения, продолжавшиеся на протяжении семи лет с 1906 г. Шпильрейн сумела сохранить дружеские отношения с основателем психоанализа и с создателем аналитической психологии, признав величие того и другого. После учебы в Цюрихе она какое-то время жила в Берлине, в 1921–1923 годы работала в Женеве. Среди ее пациентов был позднее приобретший всемирную известность психолог Ж. Пиаже. В 1923 г. Шпильрейн возвратилась в Россию, где применила психоаналитические идеи в своей теоретической и практической деятельности.

В рамках понимания русских истоков ряда психоаналитических идей Фрейда нет необходимости углубляться в тонкости, связанные с идейными разногласиями между основателем психоанализа и Юнгом, с одной стороны, и позицией Шпильрейн по отношению к их учениям – с другой. Более важно подчеркнуть, что идеи Шпильрейн о связи биологических факторов с развитием человеческой психики и о склонности людей к деструктивности, в конечном счете, были восприняты Фрейдом. Разумеется, они являлись только одним из источников, предопределивших направленность мышления основателя психоанализа. Причем потребовалось значительное время для того, чтобы аналогичные идеи вошли в арсенал психоаналитического учения Фрейда о человеке. Так, размышления Шпильрейн о деструктивности первоначально вызвали у него негативную реакцию, соотношенную с тем, что она пыталась обосновать теорию инстинктов, исходя из биологических представлений. Позднее он сам признал наличие в человеке «инстинкта смерти». В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) Фрейд уже не только говорил о противоположности между влечениями к жизни и влечениями к смерти, между Эросом и Танатосом, но и вносил поправки в свое предшествующее понимание мазохизма, подчеркивая то обстоятельство, что своим обозначением садистского компонента сексуального влечения как «деструктивного» Сабина Шпильрейн предвосхитила значительную часть его обновленных рассуждений о мазохизме. При этом Фрейд считал, что статья Шпильрейн «Деструкция как причина становления и бытия» богата содержанием и мыслями (Фрейд, 1990, с. 417). Впрочем еще в те годы, когда Шпильрейн читала на заседании Венского психоаналитического общества только выдержки из данной работы, Фрейд охарактеризовал ее автора как очень способного исследователя. Об этом он писал Юнгу в своем письме от 21 марта 1912 года. И хотя в то время Фрейд говорил о том, что рассматриваемое ею деструктивное желание ему «не по вкусу», тем не менее уже тогда он признавал наличие некоего смысла в ее суждениях. Кстати сказать, сама Шпильрейн отмечала благосклонность основателя психо-

анализа к ее статье о деструкции. В январе 1912 г. в своем дневнике она писала, что профессор Фрейд благодарил ее и всем рассказывал о ее «замечательной статье» (Carotenuto, 1982, p. 41).

К этому следует добавить, что предшествующие упреки Фрейда, высказанные Шпильрейн по поводу ее биологизма, были обусловлены его ориентацией на исследование собственно психических феноменов. Но и эта ориентация, вполне понятная и объяснимая в период отставания «чистоты» психоаналитического учения о человеке, впоследствии претерпела изменения, когда Фрейд не исключал возможности обращения к биологическому материалу. В той же работе «По ту сторону принципа удовольствия», где он ссылается на Шпильрейн, основатель психоанализа подчеркивает, что от биологии можно ожидать самых неожиданных и потрясающих открытий, в результате которых может разрушиться так искусно построенное им здание психоаналитических гипотез.

Еще один, весьма существенный и значительный источник обращения Фрейда к русской культуре связан с именем Лу Андреас-Саломе (1861–1937). Это была неординарная по своему духовному развитию и уму, красивая женщина, сумевшая очаровать и пленить таких разных по характеру, образованию и мировоззрению людей, как Ницше, Рильке, Фрейд. С немецким философом она познакомилась во время своего путешествия в Рим в 1882 году, написав позднее о нем книгу «Фридрих Ницше и его труды» (1894). С Рильке – в Мюнхене в 1897 году, опубликовав впоследствии работу «Райнер Мария Рильке». С австрийским врачом-невропатологом – на психоаналитическом конгрессе в Веймаре в 1911 году, изложив свои впечатления о дружбе с основателем психоанализа в эссе «Моя благодарность Фрейду» (1931).

Лу Андреас-Саломе (Луиза Густавовна) родилась в Петербурге в семье генерала русской службы. Не будучи по своему происхождению русской, она в то же время провела детство и юность в России, впитала в себя любовь к русской культуре и, став впоследствии писательницей, проживающей в Европе, поддерживала тесные связи с русской интеллигенцией и пропагандировала философско-религиозные идеи, находящие свое отражение в русской литературной мысли. В 1911 году в возрасте 50 лет она начала изучать психоанализ, год спустя написала первое письмо Фрейду и с тех пор на протяжении 25 лет, вплоть до своей кончины, постоянно поддерживала дружеские отношения не только с основателем психоанализа, но и с его семьей, особенно с его старшей дочерью Анной Фрейд (1895–1982), ставшей со временем известным детским психоаналитиком.

Многолетняя переписка между Фрейдом и Лу Андреас-Саломе, его знакомство через нее с поэтом Рильке, визиты, отнюдь не единичные и порой весьма продолжительные, Лу к Фрейду, а его дочери Анны к ней – все это не могло не способствовать обращению основателя психоанализа к русским сюжетам. И это действительно так, поскольку Лу Андреас-Саломе постоянно вносила русские мотивы в эмоциональную и интеллектуальную жизнь Фрейда.

В своих письмах Лу Андреас-Саломе и Фрейд затрагивали многие темы, касающиеся главным образом различных аспектов психоанализа, будь то проблемы неврозов, сновидений, сексуальности, символической интерпретации языка бессознательного. Фрейд делился своими идеями и сомнениями в связи с развитием метапсихологии, обоснованием концепции личности, пониманием существа религии и культуры, изданием тех или иных работ. Его корреспондентка высказывала свои взгляды по поводу психоаналитической трактовки различных феноменов, одобряла Фрейда во многих его начинаниях, с восторгом отзывалась о его публикациях. Наряду с чисто психоаналитической тематикой Лу Андреас-Саломе и Фрейд обменивались мнениями о политических событиях, касающихся Первой мировой войны и особенно Февральской и Октябрьской революций 1917 года в России. Она писала о своих переживаниях в связи с происходящими в России изменениями и той трагедией, которая, по ее мнению, имела место в этой стране. Он пытался осмыслить существо радикальной политики и революции в ее «фатерлянде», на ее «старой родине», а также сообщал о своем русском пациенте Панкееве, который после прохождения первоначального курса лечения и с развязыванием Первой миро-

вой войны оказался его «врагом» и мог убить ушедшего на фронт его сына, но оба оказались живы и «юный друг» вновь намеревался приехать к нему на лечение.

На основании их переписки можно судить о том, что в семье Фрейда тепло относились к Рильке. Трудно сказать, были ли дети основателя психоанализа знакомы с поэзией Рильке до того, как Лу Андреас-Саломе встретила с их отцом и стала его постоянным корреспондентом. Однако чуть более года спустя после начала их переписки Фрейд сообщил Лу Андреас-Саломе о том, что его сын Эрнст, которому в ту пору был 21 год, увлекся поэзией Рильке и хотел бы с ним встретиться. Позднее в одном из своих писем в 1915 году он просил передать Рильке, что у него имеется 19-летняя дочь Анна, которая любит его поэзию и некоторые из поэм знает наизусть (Sigmund Freud and Lou Andreas-Salome, 1972, p. 14, 28).

Из переписки Фрейда с Лу Андреас-Саломе можно узнать и о том, что Рильке посетил основателя психоанализа в декабре 1915 года, позднее неоднократно встречался с его сыном Эрнстом и что эти встречи были дружескими, теплыми, радушными.

Нельзя с достоверностью утверждать, как и в какой степени знакомство Фрейда с Рильке способствовало углублению его интереса к русской культуре. Однако трудно не согласиться с тем, что именно через общение с Рильке и Лу Андреас-Саломе основатель психоанализа мог войти в соприкосновение с этой культурой. В этом нет ничего удивительного, ибо не только Лу Андреас-Саломе была страстной поклонницей русской литературы и любила Россию, в которой родилась, но и Райнер Мария Рильке настолько приобщился к русской культуре, что в то время, когда был опубликован первый фундаментальный труд Фрейда «Толкование сновидений» (1900), положивший начало развитию психоанализа, Рильке, будучи немецкоязычным поэтом, пишет несколько стихотворений по-русски.

Об отношении Рильке к России можно судить хотя бы уже по высказываниям, содержащимся в его письмах к русской девушке Елене Ворониной, с которой он познакомился весной 1898 года. «Если бы я пришел в этот мир как пророк, – писал он летом 1899 года, – я бы всю жизнь проповедовал Россию как избранную страну, на которой тяжелая рука Господа-ваятеля лежит как великая мудрая отсрочка. Пусть эта страна испытает все, что ей причитается, тогда медленнее и яснее свершится ее судьба. Не в сбивчивом неясном ритме, а в свободном вздохе втягивает она в себя свой прогресс, и ее широкая грудная клетка вздымается чудно и спокойно» (Рильке, 1971, с. 173).

Остановимся на русских темах Рильке – поэта, говорившего порой о России как о своей второй родине. После встречи с Лу Андреас-Саломе в мае 1897 года Рильке обращает пристальное внимание на русскую литературу и вводит в свое творчество русские сюжеты. В том же году в русском журнале «Северный вестник», в котором активно сотрудничала Лу Андреас-Саломе, публикуются переводы его рассказов, а в новелле «Диалог» (1898) фигурируют персонажи русского происхождения. В апреле 1899 года он впервые приезжает в Россию вместе с Лу и ее мужем Карлом Андреасом, специалистом по восточным религиям. В первые же дни своего пребывания в Москве Рильке встречается с художником Л. О. Пастернаком и посещает Толстого в его доме в Хамовниках. Затем в Петербурге посещает Репина и знакомится с русской художественной интеллигенцией.

Возвращение Рильке в Германию после почти двухмесячного пребывания в России сопровождается его интенсивным изучением русского языка, чтением в оригинале художественной литературы известных русских авторов, переводом на немецкий язык их отдельных произведений. Так, он читает роман Достоевского «Бедные люди» и прозу Толстого, переводит стихи Лермонтова и З. Гиппиус, а также рассказ Сологуба «Червь» и пьесу Чехова «Чайка».

В мае 1900 года Рильке и Лу Андреас-Саломе вновь приезжают в Россию. Он наносит второй визит Толстому в Ясной Поляне, помимо Москвы и Петербурга посещает Киев, Саратов, Ярославль и Новгород. Во время своего более чем двухмесячного путешествия по России

встречается со многими писателями и художниками и даже вставляет в свою речь типичные русские сочетания, носит нательный крестик и отпускает бороду.

После возвращения в Европу Рильке переводит Достоевского, переписывается со многими русскими корреспондентами, от которых получает необходимую ему для работы литературу. Так, в одном из писем А. Бенуа в июле 1901 года он выражает желание прочесть труд Мережковского о Толстом и Достоевском и просит прислать ему другие книги этого автора. В 1920-е годы он переписывается с Борисом Пастернаком, с которым ему довелось мимолетно познакомиться во время второй поездки в Россию, а также с Мариной Цветаевой, признававшейся в том, что Рильке является ее «последней немецкостью» (Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева, 1990, с. 34). Путешествуя по Европе, он встречается с Горьким и Буниным.

Одним словом, Рильке действительно становится «знатоком» русской культуры и в этом качестве, подобно Лу Андреас-Саломе, несомненно, мог помочь Фрейду в знакомстве с русской литературой. Лу Андреас-Саломе опубликовала в журнале «Новое немецкое обозрение» статью «Лев Толстой – наш современник» (1898). Рильке читал работы Толстого и Достоевского. Не исключено, что их высказывания о творчестве этих русских писателей привлекли к себе внимание Фрейда. Неслучайно в своей клинической практике основатель психоанализа, как свидетельствует его многолетний пациент Панкеев, затрагивал вопросы, поставленные в художественных произведениях Достоевского и Толстого.

Таковы только некоторые и, надо полагать, отнюдь не исчерпывающие грани, отражающие связь Фрейда с русской культурой. Он вел обширную переписку с многочисленными западными корреспондентами, обмениваясь с ними мнениями по широкому кругу вопросов, включая клинические случаи, имеющие отношение к пациентам из России. Читал обзоры о состоянии русского психоанализа и статьи русских авторов, опубликованные в немецкоязычных психоаналитических журналах. Встречался с русскими врачами и обсуждал с ними проблемы развития психоаналитических идей в России. Переписывался с русскими учеными, включая М. Вульфа, А. Лурию, Н. Осипова и др.

Детальное и обстоятельное рассмотрение всего многообразия связей и отношений между Фрейдом и Россией могло бы, вероятно, внести дополнительные штрихи в понимание русских истоков психоанализа. Эта работа требует значительных усилий, поскольку, несмотря на обширную литературу по истории развития психоанализа и биографии ее основателя, все еще имеются белые пятна, относящиеся к раскрытию подлинных истоков формирования мировоззрения Фрейда и его учения о человеке и культуре. Можно выразить лишь надежду, что со временем будут опубликованы все материалы, включая переписку основателя психоанализа с различными корреспондентами. Те материалы, которые находятся в официальных и личных архивах и публикация которых может оказаться весьма информативной с точки зрения выявления дополнительных знаний о русских истоках психоанализа.

В рамках данной работы достаточно ограничиться изложенным выше материалом, чтобы прийти к убеждению относительно того, что русские истоки ряда психоаналитических идей – это отнюдь не иллюзия и не игра воображения, уводящего критический ум в туманную даль, находящуюся по ту сторону реальной истории развития психоанализа. Напротив, именно понимание связей Фрейда с русской культурой как необходимой составной части глубинного постижения перипетий судьбы психоанализа является, на мой взгляд, той самоценностью, которая, с одной стороны, способствует раскрытию эволюции психоаналитических концепций, а с другой – придает смысл культуре как таковой с ее разнообразными, обособленными и в то же время органически целостными отношениями, имеющими место в глобальном развитии человеческой цивилизации.

Разумеется, формирование мышления Фрейда и становление психоаналитических идей обуславливались целым рядом иных факторов, достаточно подробно освещенных как в зару-

бежной, так и в отечественной литературе. Поэтому не стоит закрывать глаза на другие аспекты психоанализа, сопряженные с осмыслением содержания основных фрейдовских концепций. Но нет необходимости упускать из виду и русские истоки психоаналитических идей. Это означает, что исследование проблематики, зафиксированной в названии данной книги, предполагает обращение к конкретным работам Фрейда, включающим в себя сюжеты и идеи, связанные с русской культурой. В этом отношении целесообразно остановиться прежде всего на психоаналитическом видении Достоевского, поскольку и Фрейд и его последователи неоднократно апеллировали как к литературному наследию русского писателя, так и к его личности.

Литература

- Ильин И.* О любезности. Социально-психологический опыт // Русская мысль. 1912. Кн. V.
Ильин И. Философия как духовное давление // Русская мысль. 1915. Кн. III.
Константинова А.А. Мадонны Леонардо да Винчи. СПб., 1908.
Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Т. 2: Религия Л. Толстого и Достоевского. СПб., 1903.
Мережковский Д. С. Христос и Антихрист. Ч. III. Антихрист. Петр и Алексей. СПб., 1905.
Мечников И.И. Этюды о природе человека. М., 1905. Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. М., 1990.
Рильке Р.М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М., 1971.
Фрейд З. Некоторые типы характеров из психоаналитической практики // Психоанализ и его учение о характерах. М. – Пг., 1923.
Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.
Carotenuto A.A. Secret Symmetry. Sabina Spielrein Between Jung and Freud. NY, 1982.
Freud S. Contribution to a Questionnaire on Reading // The Standart Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. V. IX. London, 1975.
Ljunggren M. The Psychoanalytic Breakthrough in Russia on the Eve of the First World War // Russian Literature and Psychoanalysis. Ed. by D. Rancour-Laferriere. Amsterdam/Philadelphia, 1989.
Sigmund Freud and Lou Andreas-Salome. Letters. NY, 1972.
Stanesku H. Young Freud's Letters to His Rumanion Friend, Silberstein // The Israel Annals of Psychiatry and Related Disciplines. 1971. V. 9. № 3.
The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887–1904. Translated and ed. by J. N. Masson. Cambridge (Mass.). London, 1985.
The Freud / Jung Letters. The Correspondence Between Sigmund Freud and C. G. Jung. Ed. by McGuire. Cambridge (Mass.), 1988.
The Wolf-Man and Sigmund Freud. Ed. by M. Gardiner. Harmondsworth, 1973.

Фрейд и Достоевский

В начале 1926 года одно из издательств предложило Фрейдю написать введение к публикуемому на немецком языке роману Достоевского «Братья Карамазовы». Через год он закончил свою работу, которая вышла в свет в 1928 году под названием «Достоевский и отцеубийство».

Но почему именно Фрейдю было сделано подобное предложение? Разве он считался специалистом по творчеству Достоевского?

Неужели не было других немецкоязычных авторов, более компетентных, чем Фрейд, в области русской литературы?

Конечно, Фрейда нельзя причислить к специалистам, посвятившим свою научную деятельность исследованию творчества Достоевского. Разумеется, в Австрии и Германии того времени имелись литературоведы, профессионально интересовавшиеся наследием русского писателя. И тем не менее выбор издателей работ Достоевского выпал на Фрейда, что свидетельствует о многом.

Во всяком случае вряд ли с подобным предложением обратились бы к ученому, пусть даже известному психоаналитику, получившему широкое признание как в своей стране, так и за рубежом, но совершенно не знакомому с творчеством Достоевского.

Можно предположить, что издатели знали об увлечении Фрейда Достоевским и вполне резонно рассчитывали на его компетентность в оценке «Братьев Карамазовых». Действительно, в конце 1920-х годов Фрейд был основательно знаком со многими произведениями русского писателя. В частности, в своей работе «Достоевский и отцеубийство» он назвал роман «Братья Карамазовы» величайшим из всех, когда-либо написанных (Freud, CPW, v. XXI, p. 177).

Но означает ли это, что его знакомство с творчеством русского писателя датируется 1920-ми годами, когда в окончательном виде им было сформулировано психоаналитическое учение о человеке и культуре? Нет, не означает. Интерес к Достоевскому появился у Фрейда значительно раньше и в определенной степени обусловил его психоаналитическое понимание сложностей и перипетий борьбы противоположных сил и тенденций, имеющей место в глубинах человеческой психики и ведущей к драматическим развязкам в жизни людей.

Трудно со всей достоверностью говорить о том, когда впервые Фрейд обратился к Достоевскому. Однако известно, что на заседаниях Венского психоаналитического общества, председателем которого он был на протяжении многих лет, неоднократно упоминалось имя русского писателя. Так, на одном из заседаний этого общества в апреле 1908 года Штекель сообщил об обнаруженной им статье об эпилепсии в брюссельском медицинском журнале и в связи с этим обратил внимание своих коллег на неоднозначность использования врачами понятий «истерия» и «эпилепсия», как это наблюдалось, в частности, в случае определения болезни Достоевского. На другом заседании в ноябре 1910 года Федерн сделал сообщение о борьбе с галлюцинациями у немецкого писателя и композитора Э. Гофмана (1776–1822), подчеркнув то обстоятельство, что сходные вещи можно обнаружить в романе Достоевского «Братья Карамазовы». В марте 1911 года профессор Оппенгейм зачитал членам Венского психоаналитического общества два отрывка из художественных произведений, иллюстрирующих психоаналитические идеи. Один из них был взят из романа Достоевского «Подросток» в связи с пересказом сна, подтверждающего истинность фрейдовского способа толкования сновидений. В январе 1914 года Закс изложил свои взгляды на понимание произведения Достоевского «Вечный муж», обратив особое внимание на амбивалентность чувств одного из героев, выразившихся в проявлении любви и ненависти к любовнику его жены.

Фрейд присутствовал на всех этих заседаниях и, надо полагать, внимательно прислушивался к высказываниям своих коллег о романах Достоевского. Правда, он не сделал никаких комментариев по этому поводу, но это вовсе не свидетельствует об отсутствии с его стороны какого-либо интереса к наследию русского писателя. Напротив, можно говорить о том, что обсуждение работ Достоевского на заседаниях Венского психоаналитического общества явилось одним из источников приобщения Фрейда к русской литературе. Не случайно в ноябре 1918 года, когда доктор Бернфельд сделал сообщение о поэзии молодежи на очередном заседании этого общества, основатель психоанализа выступил в дискуссии, высказав свое понимание мотивов поэтического творчества и сославшись при этом на психологическую подоплеку творений Достоевского (*Minutes of the Vienna...*, 1975, p. 301).

Напомню, что в своих воспоминаниях русский пациент Панкеев писал об увлечении Фрейда Достоевским, о высказываниях основателя психоанализа о «Братьях Карамазовых» в связи с обсуждением эдипова комплекса, рассмотрением мотивов отцеубийства и толкованием сновидений. По словам Панкеева, наряду с «Братьями Карамазовыми» Фрейд касался и других произведений Достоевского. «Я могу вспомнить, – отмечал он, – что в один из моих психоаналитических сеансов Фрейд осуществил психоаналитическую интерпретацию сна Раскольникова» (*The Wolf-Man and Sigmund Freud*, p. 163).

В «Преступлении и наказании» Достоевского содержится несколько снов Раскольникова, и каждый из них несет в себе определенную смысловую нагрузку. В страшном сне, приснившемся Раскольникову до свершения им преступления (убийства старухи-процентщицы), воспроизводится картина детства, когда семилетний мальчик, гуляя в праздничный день со своим отцом, стал свидетелем зверского избиения пьяным мужиком тощей крестьянской клячи и ее гибели. Во сне, приснившемся какое-то время спустя после убийства, Раскольников как бы повторяет свершившееся ранее преступление с той лишь разницей, что, несмотря на его многочисленные удары топором по голове старушонки, она не только не испустила дух, но, напротив, заливалась тихим смехом, все больше и больше заходясь от хохота. И наконец, будучи в остроге в Сибири спустя почти полтора года со дня преступления, ссыльнокаторжный Родион Раскольников припоминает свой сон, приснившийся ему в больнице, когда он лежал в бреду. Ему грезилось в болезни, будто весь мир подвергся невиданной моровой язве, появившиеся неизвестно откуда трихины (микроскопические существа) вселились в людей, делая их бесноватыми, сумасшедшими, убивающими друг друга в какой-то бессмысленной злобе.

Какой из этих снов Раскольникова мог привлечь внимание Фрейда? К сожалению, в своих воспоминаниях Панкеев ничего не сообщает ни о конкретном сне из «Преступления и наказания», ставшем объектом пристального внимания основоположника психоанализа, ни о его трактовке. Однако, зная основные идеи психоанализа, нетрудно сделать предположение о сне Раскольникова, упомянутом Панкеевым. В курсе психоаналитического лечения русского пациента Фрейд вряд ли мог обратиться ко сну, приснившемуся Раскольникову в остроге. И не потому, что данный сон имеет меньшее значение для понимания психологии личности в романе Достоевского по сравнению с другими снами, введенными русским писателем в канву «Преступления и наказания». Напротив, сон ссыльнокаторжного Раскольникова, приведенный Достоевским на последних страницах романа, чрезвычайно важен для целостного восприятия судьбы героя. И не только его индивидуально-личностной судьбы, но и судьбы человечества. Этот сон Раскольникова как бы обращен в будущее, и сегодня, столетие с лишним спустя после написания «Преступления и наказания» (1866), он воспринимается как кошмарная реальность, ибо Достоевский провидчески писал о том, что люди «соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, – но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались.

...Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше» (Достоевский, 1973, т. 6, с. 420).

С точки зрения современности сон ссыльнокаторжного Раскольникова является, пожалуй, наиболее значимым. Да и в то время, когда Фрейд обратился к роману Достоевского «Преступление и наказание», он мог привлечь внимание исследователя своей актуальностью, связанной с острой социально-экономической и политической ситуацией в Европе, предшествующей развязыванию Первой мировой войны. Однако этот сон Раскольникова символизировал будущее человечества. Представляющий интерес сам по себе, он утрачивает ценность в глазах психоаналитика, занятого археологическими раскопками потаенных слоев психики, погребенных под толщей социокультурных напластований.

Психоаналитик стремится вскрыть символический язык сновидения, указывающий на события прошлого как на источник возникновения и обострения психических расстройств личности в настоящем. Специфика метода психоаналитического лечения как раз и заключается в том, чтобы за спонтанной речью пациента или его рассказом о собственных сновидениях усмотреть скрытые механизмы формирования болезненных симптомов, уходящих своими корнями в детство, воспроизвести в сознании некогда вытесненные бессознательные желания и, вновь пережив патогенную ситуацию, тем самым освободиться от укоров совести, вины и страха, терзающих душу человека, не понимающего истинных причин своих страданий. Вот почему психоаналитическое толкование сновидения всегда нацелено на выявление событийной канвы прошлого. В этом смысле обращенный в будущее сон ссыльнокаторжного Раскольникова не мог стать предметом обсуждения со стороны Фрейда в то время, когда русский пациент проходил у него курс психоаналитического лечения.

Другой сон Раскольникова, воспроизводящий картину убийства старухи-процентщицы, тоже вряд ли мог быть объектом интерпретации Фрейда, упомянутой Панкеевым. Правда, он обращен в прошлое, вызывает повторные переживания, связанные с ощущениями страха перед свершением преступления и возможностью последующего разоблачения, когда сердце бешено бьется, а ноги будто приросли, хотя надо бежать подальше от места убийства. И это может заинтересовать психоаналитика, но только как промежуточное звено в цепи, уходящей в более отдаленное прошлое. Поэтому следует обратить внимание на глубинные переживания личности, относящиеся прежде всего к воспоминаниям далеких сцен и картин детства. В этом отношении психоаналитика, несомненно, привлечет сон Раскольникова, приснившийся ему до свершения преступления. Сон, в котором воспроизводятся переживания семилетнего мальчика. Тем более, что аранжировка этого сна включает такие, на первый взгляд, второстепенные детали, которые едва ли бросятся в глаза исследователю, не знакомому с теорией психоанализа, но которые, безусловно, привлекут к себе внимание психоаналитика-профессионала.

Итак, надо полагать, что в процессе психоаналитического лечения русского пациента Фрейд продемонстрировал перед ним свое толкование сна Раскольникова, имевшего место после того, как герой, выпив в харчевне рюмку водки и съев пирог, по дороге домой почувствовал неимоверную усталость, пал на траву в изнеможении и сразу же уснул. Родиону приснилось его детство: городок, в котором он жил, кабак, производивший на него неприятное впечатление и даже вызывавший страх, городское кладбище и каменная церковь, куда он ходил два раза в год с отцом и матерью к обедне, чтобы отслужить панихиду по бабушке и меньшему брату, умершему шести месяцев от роду. Приснилось ему и то страшное событие, когда молодой с мясистым и красным, как морковь, лицом мужик Миколка в пьяном кураже решил прокатить в большой телеге, но запряженной маленькой, тощей кобылкой своих собутыльников по трактуру. Кобыленка дергает изо всех сил, семенит ногами, задыхается, а Миколка нещадно сечет ее кнутом, в ярости выхватывает со дна телеги толстую оглоблю и под звуки разгульной песни и подбадривающие крики других мужиков со всего размаху несколько раз подряд обрушивает ее на спину несчастной клячи.

– Живуча! – кричат кругом.

– Сейчас непременно падет, братцы, тут ей и конец! – кричит из толпы один любитель.

– Топором ее, чего! Покончить с ней разом, – кричит третий.

– Эх, ешь те комары! Расступись! – неистово вскрикивает Миколка, бросает оглоблю, снова нагибается в телегу и вытаскивает железный лом. – Берегись! – кричит он и что есть силы огорошивает с размаху свою бедную лошаденку. Удар рухнул; кобыленка зашаталась, осела, хотела было дернуться, но лом снова со всего размаху ложится ей на спину, и она падает на землю, точно ей подсекли все четыре ноги разом.

– Добивай! – кричит Миколка и вскакивает, словно себя не помня, с телеги. Несколько парней, тоже красных и пьяных, схватывают что попало – кнуты, палки, оглоблю – и бегут к издыхающей кобыленке. Миколка становится сбоку и начинает бить ломом зря по спине. Кляча протягивает морду, тяжело вздыхает и умирает.

Вся эта сцена производит столь сильное впечатление на маленького Родиона, что он с криком подбегает к рухнувшей на землю кобыленке, охватывает руками ее окровавленную морду, целует ее в глаза, в губы, потом бросается с кулачками на Миколку и через некоторое время, всхлипывая, обращается к отцу: «Папочка! За что они бедную лошадку убили!» Он хочет перевести дыхание и... просыпается весь в поту, задыхаясь и приподнимаясь в ужасе.

Таково основное содержание сна Раскольникова. Сна, имеющего определенный смысл для понимания мотивов еще не совершенного, но, судя по некоторым высказываниям, исходящим из уст героя романа, уже неизбежного преступления. Но на что конкретно указывает этот сон? Что означает дикая сцена у трактира, завершившаяся гибелью несчастной лошаденки? Какая тут связь между смертью крестьянской савраски и предстоящим убийством старухи-процентщицы? Какой смысл имеет данное сновидение в контексте романа «Преступление и наказание»? И наконец, что конкретно могло привлечь внимание Фрейда в сне Раскольникова, помимо общего его сюжета, обращенного к детству героя романа?

Очевидно, что читатель, пытающийся понять мотивы поведения Раскольникова и сопоставляющий картину убийства старухи с предшествующим сновидением главного действующего лица романа, обнаружит в описании ужасной сцены у трактира некие знаки, прямо указывающие на связь прошлого с будущим. Это, прежде всего, испытываемое Раскольниковым чувство страха, которое охватывало его в детстве и которое наблюдалось у него в момент совершения преступления. Кроме того, и в сновидении, переносящем Раскольникова в детство, и наяву, во время убийства старухи, фигурирует одно и то же орудие преступления – топор. Правда, в сцене гибели маленькой клячи топор не является реальным орудием убийства, а только называется одним из наблюдателей за пьяной выходкой Миколки. Но слово, произнесенное, казалось бы, совершенно случайно, оказывается вещим, ибо Раскольников уже замыслил преступление, реализация которого на деле должна осуществиться с помощью топора. Не случайно, проснувшись, он приходит в ужас, потом благодарит Бога за то, что это только сон, но тут же восклицает: «Боже!.. да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели?»

Как видим, Раскольников сам усматривает прямую связь между своим сном, уносящим его в прошлое, в детство, и преступлением, которое он планирует совершить в будущем. Читатель, напряженно следящий за драматической развязкой событий в «Преступлении и наказании», может воспринимать описанный выше сон Раскольникова как внутренний протест совестливого человека против возможности совершения убийства, как предостережение против насилия, способного обернуться чьей-то гибелью. Именно так и воспринимается этот сон читателем, чье сознание не отравлено премудростью искусственных изысков социального или политического смысла. Весьма показательным в этом отношении является пример, приведенный Ю. Карякиным, который однажды на уроке дал письменное задание школьникам ответить на вопрос, в чем заключается смысл первого сна Раскольникова. Ответ одного ученика был

краток, но весом: сон Раскольникова – «крик человеческой природы против убийства» (Карякин, 1989, с. 158).

Но вот психоаналитика такой ответ не устроит, поскольку за явным содержанием сновидения он усматривает наличие скрытого подтекста, который требуется не просто выявить, но и истолковать, исходя из основополагающих идей и концепций, составляющих ядро психоаналитического учения о человеке. В поле зрения его оказывается не столько атрибутика, позволяющая говорить об орудии убийства, или смысловая связь времен, воплощенная в заповеди «Не убий!», сколько символика сновидения, расшифровывающаяся благодаря заранее составленному соннику, в котором за каждым кадром изображения стоит психоаналитически интерпретируемый знак, указывающий на глубинный смысл изображаемого.

Можно предположить, что для Фрейда в сне Раскольникова первостепенное значение имела не словесная обмолвка о топоре как орудии предстоящего убийства, не явно приходящая на ум заповедь «Не убий!», а тщательно замаскированная, скрытая в глубине бессознательного «тайна» детско-родительских отношений, раскрытие которой предполагает выяснение значения такого зрительного ряда сновидения, в котором фигурируют образы отца, сына, лошади, а также чувства любви, ненависти, боязни, испуга. Это предположение находится недалеко от истины, поскольку так или иначе психоаналитическое толкование сновидений сводится к обнаружению специфического комплекса, непосредственно связанного с детско-родительскими отношениями, в обыденной жизни прикрываемыми различными рационализациями, приобретающими символическую окраску в сновидении.

В самом деле, до того, как Фрейд приступил к лечению русского пациента, в своих воспоминаниях донесшего до нас информацию об интерпретации основателем психоанализа сна Раскольникова, он имел дело с клиническим случаем невротического заболевания мальчика, страдающего зоофобией, то есть испытывающего страх перед животным. Речь идет о хорошо известном в истории психоанализа и описанном самим Фрейдом случае заболевания пятилетнего Ганса, у которого наблюдались припадки и расстройства, сопровождавшиеся его собственными заявлениями о том, что его может укусить лошадь (Фрейд, 1989, с. 38–121).

Анализ фобии пятилетнего Ганса привел Фрейда к выводу, согласно которому у ребенка существует, как правило, двойственная установка: с одной стороны, он боится животного (в случае с Гансом – боязнь белой лошади), а с другой – проявляет к нему всяческий интерес, подчас подражает ему. Эти амбивалентные чувства к животному являются не чем иным, как бессознательными замещениями в психике тех скрытых чувств, которые ребенок испытывает по отношению к родителям. Благодаря такому замещению, считает Фрейд, происходит частичное разрешение внутриспсихических конфликтов, вернее, создается видимость их разрешения. Это бессознательное замещение призвано скрыть реальные причины детского страха, обусловленного, в частности, не столько отношением отца к сыну (строгость, суровость, авторитарность), сколько неосознанным и противоречивым отношением самого ребенка к отцу. Мальчик одновременно и любит, и ненавидит отца, хочет стать таким же сильным, как его отец, и вместе с тем устранить его, чтобы занять его место в отношениях с матерью. Подобные бессознательные влечения ребенка противоречат нравственным установкам, получаемым им в процессе воспитания. Частичное разрешение этого внутреннего конфликта, разыгрывающегося в душе ребенка, как раз и осуществляется путем бессознательного сдвига с одного объекта на другой. Те влечения, которых ребенок стыдится, вытесняются из сознания и в бессознательной форме направляются на иносказательные объекты, скажем, лошадь, волка, жирафа, по отношению к которым можно уже в неприкрытом виде проявлять свои чувства.

Так, в случае с Гансом, который однажды во время прогулки увидел, как упала лошадь, пятилетний ребенок идентифицировал отца с лошадью, в результате чего он уже держался по отношению к нему свободно, без страха, но зато испытывал страх перед лошадью. За высказанным им страхом, что лошадь укусит его, скрывается, согласно Фрейду, глубоко лежащее бес-

сознательное чувство, что его могут наказать за дурные желания. Это, по мнению основателя психоанализа, нормально мотивированный страх перед отцом вследствие ревнивых и враждебных желаний по отношению к нему. Страх маленького Эдипа, который хотел бы «устранить» отца, чтобы остаться с красивой матерью.

Фактически при анализе фобии пятилетнего мальчика Фрейд опирается на ранее сформулированный им постулат об извечно существующем эдиповом комплексе, в соответствии с которым мальчик постоянно испытывает влечение к матери и видит в отце своего соперника. Постулат, восходящий своими истоками к древнегреческому мифу о царе Эдипе. Этот миф повествует о трагической судьбе Эдипа, который убивает царя Фив, не ведая, что это его отец, и, став царем, женится на своей матери. Фрейд вводит мотив отцеубийства в психоаналитическое толкование истории развития человека и человеческой цивилизации в целом, полагая, что, возникнув на ранних ступенях первобытного существования, эдипов комплекс дает знать о себе и в жизни современных людей, ибо в структуре личности имеется бессознательное Оно, на основе которого происходит формирование треугольника отношений отец – мать – ребенок, имеющий амбивалентные установки по отношению к родителям.

Исходя из психоаналитического постулата об эдиповом комплексе, нетрудно представить себе, какие элементы сна Раскольников могли привлечь внимание Фрейда и какую интерпретацию этого сновидения он мог продемонстрировать русскому пациенту. Большой кабак, всегда производивший страх на маленького Родиона, пьяные и страшные рожи, при встрече с которыми семилетний мальчик тесно прижался к отцу и дрожал, беглое упоминание о матери и умершем брате, телега, в которую впрягают больших ломовых лошадей, являющихся предметом особого интереса со стороны Родиона, большая телега, но с впряженной в нее маленькой клячонкой, пьяная выходка Миколки, побои кобыленки и криком ребенка, обращенного к отцу («Папочка, бедную лошадку бьют!»), убийство савраски и иступленное горе мальчика, целующего ее окровавленную голову и обхватывающего отца руками, – все эти содержащиеся во сне детали имеют важное значение для психоаналитического понимания детско-родительских отношений и мотивов поведения как маленького Родиона, так и взрослого Раскольникова.

Многое из упомянутого во сне Раскольникова совпадает с деталями, выявленными Фрейдом при анализе фобии пятилетнего Ганса: страх ребенка на улице при виде больших ломовых лошадей, картина падения лошади, свидетелем чего он был однажды, сильный испуг от мысли, что лошадь скончалась, страшное сновидение, связанное с возможностью потери матери, конфликт между нежностью и враждебностью к отцу, сравнение отца с белой лошастью и др. И за всем этим – скрытые, потаенные, замаскированные желания ребенка, имеющие самое непосредственное отношение к его сексуальному развитию.

Так что Фрейд имел возможность сопоставить сон Раскольникова с фобией пятилетнего Ганса и найти в «Преступлении и наказании» сюжеты, сходные с его представлением о мотивах человеческой деятельности. А главное – он мог использовать роман Достоевского как прекрасную, с его точки зрения, художественную иллюстрацию того, что было обнаружено им в клинической практике, как подтверждение выдвинутых им психоаналитических идей об эдиповом комплексе и сексуальном развитии ребенка, лежащих в основе понимания жизнедеятельности человека и способствующих раскрытию подлинных мотивов поведения людей. Думается, что именно под этим углом зрения Фрейд и осуществил психоаналитическую интерпретацию сна Раскольникова, упомянутую Панкеевым.

Признаюсь, что, будучи убежденным в правомерности выдвинутого выше предположения о фрейдовской интерпретации сна Раскольникова, я тем не менее долгое время испытывал чувство неудовлетворения от того, что не мог обнаружить источники, документально подтверждающие данную точку зрения. И лишь недавно, к большому удовольствию, ознакомился с материалом, который, надеюсь, позволяет развеять сомнения на этот счет, если таковые еще имеются у читателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.